

Н. И. Костомаров

**Смутное время Московского
государства в начале XVII
столетия**

том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: том 2 / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2013. – 383 с.

ISBN 978-5-517-88656-9

К концу XVI века Московское государство переживало тяжелое время. Постоянные набеги крымских татар и разгром Москвы в 1571 г.; затянувшаяся Ливонская, длившаяся 25 лет: с 1580-го по 1583-й, достаточно измотавшая силы страны и закончившаяся поражением, так называемые опричные "переборы" и грабежи при царе Иване Грозном, потрясшие и расшатавшие старый уклад жизни и привычные отношения, усилившие общий разлад и деморализацию, постоянные неурожаи и эпидемии. Все это привело в итоге государство к серьезному кризису, так называемому Смутному времени. В своей исторической монографии выдающийся российский историк Н. И. Костомаров рассказывает об эпохе Смуты, о восстановлении Московского государства, которое было общим делом и общим созданием "всех городов и всяких чинов людей всего великого Российского царства". Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1868 года

ISBN 978-5-517-88656-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
216369
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1901

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Избраніе Шуйскаго въ царя.—Ограниченіе царской власти.—Царскія грамоты.—Объясненія съ Мнишками и польскими послами.—Царское вѣнчаніе.

19 мая, когда еще тѣло Дмитрія лежало на площади, Шуйскій собралъ бояръ, своихъ единомышленниковъ, и говорилъ:

«Мы совершили единодушно подвигъ праведный, честный, полезный и спасительный для земли; еслибъ только Богу угодно было, чтобъ меньше крови пролилось! Богъ, который земныя царства раздаетъ, кому хочетъ, благословилъ наше умышленіе. Теперь, когда вора больше нѣтъ на свѣтѣ и русскіе люди избавились отъ обольщенія черно-книжника и бѣсоугодника, который всѣмъ намъ отвелъ глаза, — теперь нужно выбирать новаго царя. Родъ нашихъ государей пресѣкъся, и надобно намъ поискать въ московскомъ государствѣ челоуѣка знатной породы, прилежнаго въ святой восточной вѣрѣ, во всемъ благочестиваго, — чтобъ онъ держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіялъ добро-

дѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или собственнымъ царскимъ. Вы, можетъ быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ. Но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ по крайности казался такимъ для своихъ подданныхъ *)».

Шуйскій описывалъ такія качества, какими самъ славился. Онъ былъ не молодъ и опытенъ, бережливъ до скупости, и уничтоженіемъ Дмитрія доказывалъ свое благочестіе и преданность вѣрѣ и русскимъ старымъ обычаямъ. Бояре сказали, что есть такой человѣкъ въ русской землѣ только одинъ — князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій, какъ водится, для виду поломался и согласился.

Бояре и думные люди пригласили властей. Приказали зазвонить въ колоколъ, чтобъ собрался на площадь народъ. Поляки, оставшіеся въ живыхъ, перепугались, услышавши звонъ; они думали: вѣрно москвитяне собираются перебить насъ всѣхъ остальныхъ. И не прежде отошло у нихъ отъ сердца, какъ узнали, въ чемъ дѣло. По однимъ извѣстіямъ, это было 19, по другимъ — 20 мая.

Пока выжидали на площадь архіерея и бояре стали на лобномъ мѣстѣ — народу бѣжало не мало. Но площадь около лобнаго мѣста предварительно заняли соумышленники Шуйскаго, сотники и пятидесятники войска, подготовленные прежде торговые люди и вообще участники въ воз-

---

*) De Thou, XIV, стр. 499—500. — Хотя эти слова приводятся такимъ историкомъ, какъ де-Ту, который никогда не былъ на мѣстѣ описываемыхъ событій, но въ нихъ такъ вѣрно отразился характеръ Василія Шуйскаго, что, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ получить о нихъ свѣдѣніе отъ лицъ, стоявшихъ весьма близко къ событіямъ того времени.

стані противъ Димитрія; вѣроятно, были тамъ и преступники, которые выпущены были изъ тюремъ въ день убійства.

Бояре начали говорить:

« Бывшій патріархъ, Игнатій, былъ слугою и потаковникомъ разстриги. Не подобаешь ему оставаться на патріаршествѣ, и надобно намъ избрать на соборную апостольскую церковь патріарха ».

То былъ только хитрый приступъ! Хотѣли говорить собственно о царѣ, а начали о патріархѣ.

Тогда изъ толпы заговорили:

— Напередъ патріарха, пусть изберется царь на царство, а потомъ уже патріаршеское избраніе произвольно будетъ учинить великому государю.

Другіе сказали:

— Разослать во всѣ города Московскаго государства грамоты, чтобъ изъ всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обираія.

— Для чего выборныхъ людей собирать и ждать!—подхватили третьи.—Невозможно намъ оставаться безъ царя. Благородный князь, Василій Ивановичъ Шуйскій, избавилъ насъ, при Божіей помощи, отъ прелести враждей и отъ власти богопроклятаго еретика, разстриги; онъ едва было не пострадалъ отъ сего плотояднаго медвѣдя; онъ живота своего не щадилъ за избавленіе Московскаго царствія. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ отрасль благороднаго корени царскаго! Родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручтся ему царство російскаго скипетродержавія!.

Тогда поднялись голоса:

— Пусть царствуетъ надъ нами благовѣрный князь Василій Ивановичъ! Онъ избавилъ насъ отъ пагубы, отъ мерзкаго еретика Гришки Отрепьева *).

---

*) Рукон. Филар. 3.

Приверженцы Шуйскаго говорили, что народа было множество; но летописцы, передающіе современныя извѣстія, указываютъ, что Шуйскій былъ избранъ не народомъ, а только соумышланныками.

Съ лобнаго мѣста повели новаго царя въ церковь. И тамъ сказалъ князь Василій Ивановичъ:

« По Божію изволенію и по вашему хотѣнію, я избранъ на престолъ Московскаго государства, и наречень отъ всѣхъ царемъ. Еще при царѣ Борисѣ, и послѣ него, я принималъ отъ многихъ обиды и оскорбленія, неправды и гоненія. Я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее, и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора ».

Это было условлено заранѣе боярами, которымъ, разумѣется, было пріятно ограничить самодержавную власть государя. Но тутъ же оказались голоса, противные этому нововведенію. « Никогда не творилось у насъ такого, — говорили иные, — не затѣвать новаго государства! » Конечно, Василю было пріятнѣе послушать этого совѣта; но онъ здѣсь былъ боярское твореніе. Отступили бы отъ него бояре — и онъ бы остался безпомощенъ. Онъ не могъ поступать противъ воли бояръ. Василій не послушался тогда оберегателей самодержавія; цѣловалъ крестъ на томъ, чтобъ ему безъ боярскаго приговора не предавать никого смерти, не отнимать вотчинъ и имуществъ у братьевъ и дѣтей осужденныхъ, а у гостей и торговыхъ людей — лавокъ и дворовъ. Такъ какъ при Борисѣ доносничество стало всею ненавистно, то Василій Ивановичъ обѣщался не слушать ложныхъ доводовъ, но сыскивать накрѣпко и ставить доносителей съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, того казнить.

Послѣ того какъ Василій Ивановичъ произнесъ эту присягу, по составленной крестоцѣловальной записи, присяга-

ли всѣ присутствующіе, также по крестоцѣловальной записи, служить и принять государю, его царицѣ, и дѣтямъ, когда они будутъ, — и не учинить имъ никакого лиха ни зельемъ, ни кореньемъ.

Тотчасъ была отправлена во всѣ предѣлы Россійскаго государства грамота, сообщающая русскому народу, что праведнымъ судомъ Божиимъ, за грѣхи всего христіанства, богоотступникъ, еретикъ, чернокнижникъ, Гришка Отрепьевъ, назвавшись царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, прельстилъ московскихъ людей, былъ на московскомъ престолѣ, и хотѣлъ попрасть христіанскую вѣру и учинить латинскую и лютерскую. Но Богъ объявилъ людямъ его воровство, и онъ кончилъ жизнь свою злымъ способомъ. Сообщалось во всеобщее свѣдѣніе русскому народу, что у него въ хоромахъ найдены грамоты смылочныя, воровскія, съ Польшею и Литвою и съ напою: видно изъ нихъ, что папа присылалъ къ нему, для утвержденія въ вѣрѣ законника монаха, который, вмѣстѣ съ Гришкою, также принялъ смерть отъ людей православныхъ. Сверхъ того оновѣщалось грамотою, будто полякъ, жившій при Гришкѣ, объявилъ, что воръ, разстрига, намѣревался везти пушечный нарядъ за городъ, якобы для стрѣльбы, — созвать туда бояръ, дворянъ и всякаго званія людей, и въ тоже время приказалъ быть тамъ литовскимъ людямъ въ вооруженіи съ копьями и пищалями: на видъ для воинской потѣхи, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы всѣхъ бояръ, думныхъ людей и большихъ дворянъ побить. И было росписано у него, кому кого убивать; и была у нихъ дума потомъ захватить Москву и раздарить воеводѣ Сендомирскому и его роднѣ города на Руси, чтобы, такимъ способомъ, можно было насильно приводить православныхъ людей въ латинскую и лютерскую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что нѣкто Золотой-Квашнинъ, взмѣнившій царю Ивану Васильевичу и

уѣхавшій въ Литву, сказывалъ, что Гришка поступилъ воеводѣ Сендомирскому дать многіе города, а королю польскому отдавалъ Смоленскую и Сѣверскую земли. Въ заключеніе, грамота извѣщала, что совершился выборъ новаго царя всѣмъ Московскимъ государствомъ. Духовные—митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ; бояре, окольничьи дворяне, приказные люди, стольники, стряпчие, дѣти боярскіе, гости торговые и всякіе люди Московскаго государства били челомъ князю Василію Ивановичу Шуйскому, чтобы онъ былъ царемъ и великимъ княземъ, по степени прародителей отъ Рюрика в отъ Александра Невскаго, отъ котораго происходили предки князя Василія, правившіе суздальскимъ удѣльнымъ княженіемъ. Предписывалось въ каждомъ городѣ собрать людей всякаго чина и званія, и духовныхъ и свѣтскихъ, — прочесть эту грамоту, — и они всѣ должны цѣловать крестъ, по крестоцѣловальной грамотѣ, и въ продолженіе трехъ дней слѣдовало служить молебны съ колокольнымъ звономъ *).

Эта грамота такъ писалась, чтобы въ каждомъ городѣ обмануть русскихъ людей. Вездѣ тогда могли ложно думать, что всѣ города, исключая того, куда присылался полученный списокъ грамоты, участвовали въ выборѣ новаго царя. Въ одномъ городѣ могли подумать, что хоть изъ него выборныхъ въ Москву, какъ всѣмъ имъ извѣстно, не посылали, но дворяне и дѣти боярскіе этого города и узда его, бывшіе въ службѣ, находились въ Москвѣ, и ихъ слово могло пойти за весь городъ и уздъ; въ другомъ — можно было поставить дѣло такъ, что, какъ бы случайно, — только этого города людямъ не пришлось быть на избраніи: не идти же одному городу противъ всей русской земли; и очевидно, такому городу, не заявивши

---

*) Собр. г. гр. II, 304.

своего голоса при избраніи, оставалось только спокойно присоединить свое желаніе къ общей волѣ другихъ городовъ, земель, волостей и увѣзовъ.

Разомъ съ царскою грамотою разослана была грамота отъ бояръ такого же содержанія. Бояре увѣряли народъ, что они всѣ, и другихъ званій люди, дѣйствительно были челомъ Василію Ивановичу принять престолъ, и избрали его московскимъ царемъ *).

Для рѣшительнаго увѣренія русскаго народа въ томъ, что бывший царь былъ Гришка, а не Дмитрій, разослана была на другой день, послѣ этихъ грамотъ, грамота отъ имени царицы-инокини Марѣы. Она извѣщала, что тотъ, который царствовалъ и взялъ дѣвку латинской вѣры изъ Польши, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею, помазалъ муромъ и на царство вѣнчалъ, чтобы учинить въ Россійскомъ государствѣ лютерскую и латинскую вѣру и всѣхъ отвести отъ Бога, — не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ, Гришка-разстрига. «А мой сынъ Дмитрій Ивановичъ (говорила грамота отъ имени Марѣы) убитъ въ Угличѣ передо мною и передъ моими братьями, и теперь лежитъ въ Угличѣ. Это извѣстно боярамъ и дворянамъ. А когда этотъ воръ, называясь ложно царевичемъ, колдовствомъ и черно-книжествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, за мною долгое время не посылалъ, а прислалъ ко мнѣ своихъ советниковъ, и велѣлъ беречь, чтобъ ко мнѣ никто не приходилъ и никто со мной не разговаривалъ. И когда онъ велѣлъ насъ привезти въ Москву, то былъ на встрѣчѣ у насъ одинъ и не велѣлъ къ намъ пускать ни бояръ, ни другихъ какихъ людей, — и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобы мы его не обличали, угрожалъ и намъ, и всему роду нашему смертнымъ убійствомъ. Онъ посадилъ меня въ монастырь, приставилъ за мной своихъ советни-

*) Собр. г. гр. II, 300.

ковъ, чтобы оберегать меня, и я не смѣла объявить въ народѣ его воровство, а объявила боярамъ и дворянамъ, и всѣмъ людямъ тайно». Въ заключеніе, вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-разстриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престолъ выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими, была ему челомъ о принятіи царства.

Слушавшіе грамоту должны были вообразить себѣ, что Марѳа принимаетъ участіе въ правительствѣ: грамота эта кончалась обѣщаніемъ жалованья свыше прежняго отъ царя Ивана Васильевича и отъ ней, царицы Марѳы *). Въ какой степени уважалъ царь Василій мать Димитрія — показываетъ просьба ея, обращенная, уже по изложеніи Шуйскаго, къ польскому королю: тамъ инокиня Марѳа жалуется, что Шуйскій даже не кормилъ ее, какъ слѣдуетъ.

По способу изложенія, эта грамота могла бы, кажется произвести впечатлѣніе обратное тому, каковаго домогался Василій, по крайней мѣрѣ между тѣми, которые случайно видѣли прошедшія событія поближе. Царица говорила, что называвшій себя Димитріемъ, по своемъ пріѣздѣ въ Москву, видѣлся съ ней въ первый разъ безъ свидѣтелей: тогда какъ чуть не вся Москва выходила смотрѣть на трогательное зрѣлище свиданія сына съ матерью. Въ грамотѣ говорилось, что разстрига угрожалъ царицѣ смертью, и Марѳа отъ страха признала его сыномъ; тогда какъ, по здравому разсудку, было явно, что не онъ могъ ей угрожать, а она ему, и отъ нея зависѣла его участь и царство. Стояло только Димитріевой матери объявить, что онъ не сынъ ея, и все обольщеніе исчезло бы мгновенно. Въ грамотѣ говорилось, что разстрига присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, тогда какъ въ Москвѣ извѣстно было, что за ней ѣздилъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, человекъ близкій къ

*) Собр. гос. гр. II, 306.

Василію, человекъ рода его, который со вступленія на престолъ не только не былъ сосланъ какъ сообщникъ разстриги, но входилъ въ силу. Въ грамотъ царица объявляла, что разстрига содержалъ ее тайно, никого не допускалъ къ ней; тамъ же говорилось, что она объявляла о его воровствѣ боярамъ и думнымъ людямъ и всякимъ людямъ; слѣдовательно, она содержалась такъ, что могла видѣться со многими. Одно такое противорѣчіе этой грамоты самой себѣ, казалось, должно было лишить ее довѣрія. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Марѳа дала согласіе на такую грамоту, или она была писана безъ ея согласія. Но видно было, что новый царь не боялся явной лжи и обмана: иначе, онъ самъ не надѣялся бы, что его признаютъ въ новомъ достоинствѣ, послѣ того какъ онъ самъ, при Борисѣ, производя слѣдствіе надъ убитымъ Дмитріемъ, показалъ, что Дмитрій убилъ самъ себя, — потомъ, при вступленіи названнаго Дмитрія, поклонился ему какъ законному царю и заявлялъ, что, вмѣсто Дмитрія, убитъ поповъ сынъ, а настоящій Дмитрій живъ и вступаетъ на царство; — послѣ того, наконецъ, какъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ ссылки, былъ близкимъ человекомъ у разстриги. Теперь, послѣ смерти того, кого онъ призналъ настоящимъ, онъ заявлялъ, что оба прежнія его показанія были ложью, и представлялъ русскому народу новымъ, уже третьимъ способомъ это запутанное дѣло: что Борисъ приказалъ убить малолѣтняго царевича, и что царевичъ дѣйствительно былъ убитъ по этому повелѣнію.

Послѣ разсылки грамотъ, отправились въ Угличъ: митрополитъ Ростовскій Филаретъ, Астраханскій епископъ Θεодосій *), два архимандрита: Спасскій и Андроніевскій,

*) По житію его видно, что онъ не былъ тогда при открытіи мощей, но, ѣдучи изъ Астрахани въ Москву, умеръ на дорогѣ въ Царицынѣ.